

Нечаянно слишком увлѣкшись наблюдением, Чжэнь Цюн, придя в себя, так испугался, что уронил палочки для еды. Двумя руками он взял чашу с вином и одним глотком выпил её содержимое. Однако, едва успев проглотить кусок мяса, он тут же поперхнулся, когда вино ударило в горло. Согнувшись пополам и прикрывая рот рукой, Чжэнь Цюн закашлялся так громко, что, казалось, земля содрогалась.

Кто бы мог подумать, что этот молодой даосский наставник поперхнется даже от глотка вина? Хань Мяо поспешил протянуть руку, слегка похлопывая его по спине, и успокаивающе произнёс:

— Не сдерживайся, лучше откашляйся. Эй, кто-нибудь, принеси полотенце и чай.

Рука на спине Чжэнь Цюна похлопывала не слишком сильно, но из-за тонкой летней одежды он явно ощущал тепло ладони. Лицо Чжэнь Цюна мгновенно покраснело, и он, извиваясь и отстраняясь, закашлялся ещё сильнее:

— Кх-кх-кх, я... я в порядке...

Всего один глоток вина — и даже кончики его ушей стали красными. Не ожидал Хань Мяо, что этот даосский наставник окажется таким слабаком в плане алкоголя. Кратковременное неловкое чувство, возникшее ранее, теперь полностью рассеялось. Видя, как Чжэнь Цюн отчаянно сопротивляется, Хань Мяо с лёгкой усмешкой опустил руку и протянул ему полотенце:

— Не торопись, всё в порядке.

Неважно, речь шла о еде или новом сахаре, всё можно было решать постепенно. Ранее Чжэнь Цюн упоминал что-то о зубной пасте, цветочной воде и леденцовом сахаре. Что это были за вещи? Этот даосский наставник, который, казалось, не разбирался в мирских делах, обладал некоторой долей изобретательности и странностей, что делало его интересным для более близкого знакомства.

Наконец, выкашляя всё, что застряло в горле, Чжэнь Цюн, с глазами, полными слёз, взглянул на собеседника и, словно уколотый его мягкой улыбкой, тут же опустил голову.

«Ладно, ладно. Посмотрим, как пойдёт...»

В ту ночь, возможно, из-за переедания, Чжэнь Цюн провёл всю ночь в кошмарах. То он стоял на коленях, обнимая ногу господина Ханя и рыдая, называя его «отцом», то лежал на кровати, пока его мяли и переворачивали, что было весьма неопишимо. В результате на следующий день он встал без чьего-либо зова, некоторое время сидел в оцепенении, прежде чем прийти в себя.

«Сначала нужно съесть миску солёного тофу, чтобы успокоиться.»

Мелкие креветки, ароматные соевые бобы, хрустящие маринованные овощи, ложка старого соуса, щепотка зелёного лука и несколько капель кунжутного масла — вот и готов ароматный, горячий тофу. Хотя он не такой нежный, как тот, что он ел в горах, и только солёный, что не подходит для сладкоежек, но, съев скользкий и ароматный тофу, он наконец успокоился. В конце концов, соглашаться или нет — это его решение, разве господин Хань может его заставить?

При мысли о «принуждении» вновь всплыли вчерашние кошмары, и лицо Чжэнь Цюна снова

покраснело. Он вскочил, собираясь уйти, но, ещё не успев покинуть стол, услышал, как слуга доложил о прибытии хозяина.

— Брат, ты уже позавтракал? Я велел кухне приготовить паровые булочки с бамбуком и мясом, хочешь попробовать? — С этими словами Хань Мяо вошёл с улыбкой.

Трудно было отказаться от такого гостеприимства, и Чжэнь Цюн, немного смущённо, сел обратно и съел целых пять корзинок булочек. Повариха дома Хань особенно славилась своими маленькими булочками: в каждой корзинке было всего три штуки, но они были с тонким тестом и обильной начинкой. Внутри были нежные бамбуковые побеги, хрустящие и ароматные, идеально сочетающиеся с фаршем из свинины, а также сок, который был и свежим, и горячим, заставляя продолжать есть, не останавливаясь.

Когда Чжэнь Цюн понял, что больше не может есть, он с отрыжкой остановился и тут же вспомнил, что рядом сидит человек, и снова занервничал. Украдкой взглянув на собеседника, он с трудом выдавил:

— Брат Хань, почему ты так рано пришёл?

Хань Мяо уже закончил есть, взял полотенце и, изящно вытерев рот, улыбнулся:

— Ничего особенного, просто мне стало любопытно, как ты занимаешься плавкой пилюль, вот и пришёл посмотреть.

Вернувшись вчера домой, Хань Мяо поразмыслил и решил, что нужно ещё больше сблизиться с этим даосским наставником, наладить отношения. К тому же он действительно был заинтересован в его бесконечных идеях, поэтому и пришёл как раз к завтраку.

Как и ожидалось, Чжэнь Цюн, который уже успел поесть за счёт Хань Мяо, не посмел отказаться и повёл его в алхимическую лабораторию. В последние дни он уже начал заниматься плавкой пилюль, и в комнате повсюду стояли бутылки и банки. Боясь, что кто-то может трогать лекарства, он не разрешал слугам убираться в лаборатории, поэтому там царил полный беспорядок.

Обычно такая лаборатория была самым комфортным местом для Чжэнь Цюна. Однако сегодня, с человеком, одетым в дорожную одежду и выглядевшим весьма респектабельно, за спиной, он чувствовал себя крайне неловко.

Хань Мяо, однако, не обращал внимания на беспорядок в комнате. Осмотревшись, он с улыбкой спросил:

— В эти дни ты занимаешься изготовлением зубной пасты? Дистиллятор, наверное, ещё пару дней не будет готов, не помешает ли это?

— Нет, не помешает. Мне ещё нужно приготовить концентрированную щёлочь и отделить глицерин, — поспешно ответил Чжэнь Цюн.

Хань Мяо поднял бровь:

— Концентрированная щёлочь? Это из солёной земли?

Глицерин он не слышал, но щёлочь была ему знакома. На северо-западе солёную землю называли «щёлочью», и в некоторых местах, где её было много, даже вода имела особый вкус.

Может, её используют для лекарств?

— Нет, это не та. Обычная солёная земля даёт только слабую щёлочь, а я делаю сильную, да ещё и очищенную. Сначала нужно сжечь зелёный купорос, чтобы получить серную кислоту, затем аккуратно растворить соль в кислоте, смешать с известью и угольной пылью, и потом прокалить на сильном огне, чтобы получить щелочные блоки. Растворив их в воде и очистив, получишь концентрированную щёлочь, — не удержался Чжэнь Цюн, подробно объяснив процесс. Этот метод показывал уровень мастерства в алхимии, и щёлочь получалась в несколько раз чище, чем обычная!

Хань Мяо промолчал.

Каждое слово он понимал, но, собранные вместе, они звучали как заклинание. Помолчав, Хань Мяо с вежливой улыбкой произнёс:

— Брат, ты действительно выдающийся.

Слегка смутившись от похвалы, Чжэнь Цюн кашлянул:

— Ну, это ещё ничего...

Однако, хотя слушать комплименты было приятно, постоянный пристальный взгляд Хань Мяо начинал его смущать. Когда он начал работать, то заметил, что каждое его движение привлекает «восторженное» внимание Хань Мяо. Тот наблюдал, как он чистит печь для пилюль, выбирает уголь, и даже когда он использовал тряпку, мог смотреть на это полдня. Вскоре Чжэнь Цюн не выдержал: отделение глицерина было опасным процессом, и дрожь в руках могла привести к неприятностям.

Однако, поскольку лаборатория принадлежала Хань Мяо, выгонять его было неудобно. Подумав, Чжэнь Цюн наконец придумал выход и, остановившись, спросил:

— Брат Хань, хочешь посмотреть, как обесцвечивают белый сахар?

Хань Мяо удивлённо поднял бровь. Он-то думал действовать постепенно, а этот даос сразу выдаёт рецепт?

Чжэнь Цюн тоже начал понимать ситуацию. Возможно, господин Хань считал, что метод изготовления белого сахара очень сложен, и, получив от него сахар, решил, что стоит его содержать. Если показать ему настоящий процесс обесцвечивания сахара, может, он передумает?

Не зная, хочет ли он, чтобы Хань Мяо передумал, или нет, Чжэнь Цюн с растерянностью посмотрел на него и увидел, как тот улыбнулся:

— С удовольствием.

Сдерживая странное чувство в груди, Чжэнь Цюн тут же принялся за работу. Хань Мяо наблюдал, как он бегаёт по комнате, возясь с различными инструментами.

Поставив котёл, Чжэнь Цюн высыпал в него коричневый сахар, найденный на кухне, добавил воды и начал варить. Видя любопытство Хань Мяо, он поспешил объяснить:

— Сегодня не будем использовать сахарные блоки, с коричневым сахаром быстрее. Принцип

тот же.

Оказывается, из тростникового сахара тоже можно сделать белый сахар! Услышав это, Хань Мяо был в восторге и с улыбкой предложил:

— Отлично. Нужна помощь?

— Нет, нет, — поспешно покачал головой Чжэнь Цюнь, хотя в душе уже стонал. Видимо, Хань Мяо действительно не знал, насколько это просто. Такая элементарная вещь, разве нужна помощь? Но раз уж начал, отступать поздно. Дом Хань всё-таки мог финансировать проекты, так что, даже если не придётся «согреть постель», можно будет хотя бы прокормиться...

Пока мысли путались в голове, руки Чжэнь Цюня двигались быстро. Вскоре сахар превратился в густую массу. Проверив вязкость, он взял глиняный фильтр с узким отверстием, заткнул его соломой и поставил на бочку. Убедившись, что температура сиропа подходящая, он вылил весь сироп в фильтр и, подождав, пока он застынет, взял деревянное ведро и начал понемногу наливать туда жидкость.

Автор хочет сказать:

Даосский наставник Чжэнь: Тысяча свиной, аааа!!!

Хань Мяо: ...

Насчёт цен: кто-то подсчитал, что одна связка монет в эпоху Сун примерно равна трёмстам с лишним современным юаням. Если быть точнее, зарплата канцлера составляла всего триста связок в месяц (не считая других доходов). Так что доля прибыли в тысячу связок — это полное обеспечение едой, одеждой, жильём и экспериментальными расходами, годовой доход в триста тысяч, и это ещё не предел. Теперь понимаете, почему Цюнь подумал не о том? =w=

<http://bllate.org/book/16827/1547216>